

Итало-Турецкая война.

(Из записок корреспондента).

(Окончание 1).

Нѣблй мѣсяцъ просидѣли въ окопахъ 35, а потомъ и 50 тыс. человекъ итальянскаго экспедиціоннаго корпуса въ ожиданіи новыхъ турецкихъ атакъ.

За мѣсяцъ терпѣливаго ожиданія на позиціяхъ, войска, помимо постоянной перестрѣлки, испытывали и послѣдствія тропическихъ дождей, затопившихъ позицію 82-го полка у Бумелиана и часть города.

Въ концѣ мѣсяца этого бездѣлія, въ войскахъ, уже не стѣсняясь, критиковали образъ дѣйствій главнокомандующаго.

Наконецъ, 13-го ноября началось шевеленіе войскъ экспедиціоннаго корпуса на восточномъ фронтѣ, завершившееся частнымъ наступленіемъ впередъ въ оазисъ и занятіемъ линіи Гамидію—Хенни—фортъ Месри, т. е. той самой позиціи, что принадлежала итальянцамъ до 10-го октября.

Наступленіе 13-го ноября въ оазисъ явилось неожиданностью для всѣхъ и даже войска ничего объ этомъ не знали до полученія приказанія.

1) См. № 3 «Воен. Сборн.»

Въ 6 час. утра войска двинулись двумя колоннами: правая— въ составѣ 50-го, 23-го и 52-го полковъ въ направленіи на фортъ Месри, всего 6 батал., подъ командой генерала Насали Рока; лѣвая—изъ 93-го полка, гренадеръ, берсальеръ и альпійцевъ, на Хенни, всего 9 бат., подъ непосредственнымъ руководствомъ начальника дивизіи, генерала де Шорана.

Одновременно съ началомъ наступленія морская артилерія и Сиди-Месрійскія батареи начали подготовку наступленія огнемъ.

Двигаясь шагъ за шагомъ густыми цѣпами, ведя все время интенсивный ружейный и пулеметный огонь, особенно въ оазисѣ, войска, къ 11 час. утра, уже вышли безъ особыхъ потерь на линію Гамидіэ—фортъ Месри. Около 12 час. берсальеры овладѣли селеніемъ Хенни и связались съ фортомъ Месри. Къ вечеру итальянцы стали окапываться на занятыхъ позиціяхъ и подтянули ближе резервы.

Регулярныя силы турокъ успѣли, не торопясь, отступить къ Айнъ-Сарѣ, откуда, предупрежденные о началѣ активныхъ дѣйствій со стороны итальянцевъ, получили возможность уйти къ Гаріану.

Цѣлюю недѣлю просидѣли итальянцы на мѣстѣ, прежде чѣмъ рискнули двинуться къ оазису Айнъ-Сарѣ — штабъ-квартирѣ турокъ.

Въ 7 час. утра 21-го ноября началось наступленіе итальянцевъ,—первая, въ сущности, наступательная операція.

Тремя колоннами командовали бригадиры: Лекіо, Джіардино и Райнальди; всѣмъ боемъ руководилъ начальникъ дивизіи, генераль Пекори-Джиральди. Въ боевую часть было введено 18 бат. при 6 горныхъ и 4-хъ полевыхъ батареяхъ. Цѣль была поставлена вполне опредѣленная—занять Айнъ-Сару. Движеніе съ фронта было связано съ глубокимъ охватомъ турецкаго бивака съ лѣваго фланга.

Горная артилерія держалась въ началѣ боя при резервахъ, но въ моментъ подготовки рѣшительной атаки выдвинулась на линію стрѣлковыхъ цѣпей. Массовый огонь, засыпавшій шрапнелями все расположеніе противника, принудилъ турокъ поспѣшно отступить, бросивъ бивакъ съ офицерскими вещами, 7 орудій, множество снарядовъ и патроновъ, раненыхъ и палатки.

Успѣху боя сильно содѣйствовала тяжелая осадная артилерія, установленная на границѣ оазиса, въ районѣ кавалерійской казармы, группами въ 2 и 4 гаубицы и мортиры. Крупнокалиберные снаряды производили необычайный моральный эффектъ, взрывая песокъ и поднимая столбъ пыли и дыма на высоту до 10 сажень.

Турецкій огонь сталъ къ полудню ослабѣвать и высланные на развѣдку аэропланы доносили о успѣшномъ отступленіи нѣсколькихъ колоннъ съ обозами къ Джебель-Гаріану.

Успѣхъ 21-го ноября сильно поднялъ духъ войскъ, возстановилъ нѣсколько престижъ командующаго, но, по существу, былъ неполный, ибо, вслѣдствіе отсутствія глубокаго обхода, ядро сопротивленія — регулярныя части турокъ — раздавлено не было.

Отсутствіе конницы мѣшало развить энергичное преслѣдованіе, а преслѣдовать по пятамъ пѣхотой генераль Канева, очевидно, не считалъ возможнымъ. Между тѣмъ, только окончательное истребленіе горсти триполитанскихъ турокъ могло повести къ окончанію войны.

Какъ бы то ни было, занятіе Айнъ-Сары имѣло тотъ результатъ, что позорная осада Триполи была снята и связь арабовъ оазиса съ ихъ вдохновителями-турками почти окончательно порвана.

Теперь оставалось окончательно очистить весь триполитанскій оазисъ, къ каковой задачѣ, послѣ нѣкотораго отдыха, экспедиціонный корпусъ и приступилъ.

Я не буду подробно останавливаться на взятіи оазиса, такъ какъ, послѣ паденія Айнъ-Сары и при отсутствіи турецкаго руководства, арабы не могли долго и упорно защищаться, тѣмъ болѣе, что итальянцы направили всѣ усилія эскадры Бореа-Ричи на систематическую и крайне упорную бомбардировку оазиса. Огнемъ флота постепенно разрушались селенія Амрусъ, Бенъ-Саидъ и прочія, въ направленіи къ Таджурѣ.

Параллельно съ разрушеніемъ этихъ селеній арабы поневолѣ очищали ихъ и отходили на востокъ; итальянцы же немедленно занимали оставленное пространство, распространяясь все дальше и дальше вглубь. Такимъ образомъ, къ 1-му декабря весь оазисъ до Таджуры былъ въ рукахъ войскъ экспедиціоннаго корпуса, очищенный отъ непріятеля и отъ жителей.

Захвативъ Айнъ-Сару и очистивъ оазисъ, т. е. произведя то, что логически по самой обстановкѣ надлежало сдѣлать въ началѣ кампаніи, командующій рѣшилъ: дожидаться конца періода дождей, усилить свою операціонную базу — Триполи, провести желѣзную дорогу до Айнъ-Сары и вообще дать людямъ заслуженный отдыхъ.

Періодъ этотъ, продолжающійся и по сіе время, нарушается частными рекогносцировками итальянцевъ или мелкими атаками турокъ, преимущественно въ Киренаикѣ, о чемъ время отъ времени тенденціозно сообщаетъ телеграфное агенство Стефани.

Одна изъ рекогносцировокъ, предпринятая 8-го декабря на Биръ-Тобрасъ, частной инициативой генерала Пекори Джиральди, была плачевна по результатамъ для итальянцевъ. Въ Биръ-Тобрасѣ оказался весь турецкій лагерь и отрядъ полковника Фара, руководившаго рекогносцировкой, попалъ въ очень непріятное положеніе, подвергнувшись цѣлому ряду жестокихъ ночныхъ атакъ турокъ. Въ концѣ концовъ, Фара построился въ каре и только подъ утро едва унесъ ноги.

Генераль Пекори Джиральди за неумѣстное проявленіе частной инициативы получилъ отрѣшеніе отъ должности.

Теперь развѣдываютъ понемножку конница, аэропланы и дирижабли и командующій, очевидно, выжидаетъ или конца пресловутаго періода дождей (кстати сказать, очень рѣдкихъ и отнюдь не тропическихъ), или просто ждетъ, когда политика придетъ на помощь стратегіи, безъ необходимости дальнѣйшаго кровопролитія.

Тактика войскъ.

Пѣхота. Опытъ нашей послѣдней войны и выработанные ею новые принципы боя, повидимому, совершенно не задѣли военную мысль Италіи.

Если характеръ веденія войны въ колоніяхъ съ мало культурнымъ противникомъ позволяетъ отказаться отъ выработанныхъ тактикой положеній, то въ Триполи это соображеніе можетъ лишь отчасти имѣть мѣсто, такъ какъ ядро непріятельскихъ силъ все же составляютъ регулярныя турецкія войска, предводительствуемая лучшими офицерами, получившими подготовку подъ непосредственнымъ руководствомъ авторитетнаго нѣмецкаго инструктора, фонъ деръ Гольца-паши.

Игнорировать, слѣдовательно, противника, тѣмъ болѣе, что точныя его силы въ началѣ войны были неизвѣстны, не приходилось.

Между тѣмъ, по совершеніи высадки, войска экспедиціоннаго корпуса вскорѣ заняли нелѣное положеніе и не старались его исправить въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны.

Всѣ части корпуса съ самаго начала кордономъ окружили городъ и одновременно начали нести безсмѣнную службу сторожевого охраненія, каждый полкъ противъ района своей позиціи.

Никакихъ сторожевыхъ отрядовъ или авангардовъ выдѣлить нужнымъ не сочли и, что курьезнѣе всего, линія сторожевого охраненія совпала съ позиціей. Охраненія фланговъ итальянцы, повидимому, не признавали, равно какъ и не считали нужнымъ нести развѣдывательную службу конницей.

Только черезъ мѣсяць появились слабые намеки на сторожевое охраненіе: верстахъ въ 1½ отъ позиціи на день выставлялись наблюдательные посты, убравшіеся на ночь.

Такъ какъ центръ тяжести кампаніи до сего времени лежитъ въ оборонѣ, то этотъ отдѣлъ тактики итальянскими войсками усвоенъ удовлетворительно: позиціи почти вездѣ имѣютъ обстрѣлъ, примѣнены къ мѣстности и усилены опорными пунктами, въ видѣ кольцевыхъ окоповъ, проволочными сѣтями и переносными засѣками.

Веденіе наступательнаго боя итальянцами неизмѣнно характеризовалось крайней осторожностью и, не будучи рѣшительнымъ; никогда не доходило до штыковой атаки.

Упорная огневая подготовка начиналась съ наибольшихъ дистанцій и велась до тѣхъ поръ, пока противникъ не очищалъ позиціи.

Пѣхота обучена примѣненію къ мѣстности, и, насколько пришлось замѣтить, принимала, въ зависимости отъ непріятельскаго огня, соотвѣтственную форму строя. Цѣпи были всегда густы, что, въ виду сравнительно ничтожнаго огня противника, нельзя поставить въ минусъ. Относительно огня нужно замѣтить, что залпы въ итальянской арміи отсутствуютъ и принять лишь одинъ видъ огня «вольный огонь», гдѣ самъ каждый стрѣлокъ, регулируетъ его интенсивность.

Въ общемъ бросалось въ глаза, что рациональное управленіе огнемъ какъ-то отсутствовало и въ большинствѣ наблюдалась лишь беспорядочная трескотня.

Артилерія. Если итальянскую пѣхоту можно признать удовлетворительной, то тактика артилеріи поражаетъ своей отсталостью.

Какъ правило: отсутствіе закрытыхъ и даже маскированныхъ позицій; всѣ орудія неизмѣнно какъ при оборонѣ, такъ и при наступленіи, становились на линію цѣпей и стрѣляли по прицѣлу. Интервалъ между орудіями рѣдко превосходилъ 10 шаг., а иногда доходилъ до 3-хъ!

Наблюдательные пункты, какъ мы это понимаемъ въ настоящее время, совершенно отсутствовали. Командиръ батареи находился на самой батарее; здѣсь же стояли и наблюдатели. Въ итогѣ никто ничего не видѣлъ и стрѣляли прескверно. Достаточно сказать, что

12 скорострѣльныхъ Сиди-Месрійскихъ пушекъ, выпускаемая ежедневно въ общемъ до 300 — 500 снарядовъ, не могли заставить въ теченіе 2-хъ недѣль замолчать турецкія орудія, несмотря на то, что дистанціи были отлично извѣстны.

Оригинальна, къ иллюстраціи неумѣлой стрѣльбы итальянской артилеріи, жалоба командира одной изъ Сиди-Месрійскихъ батарей, высказанная имъ съ обидой въ голосъ въ одинъ изъ теплыхъ октябрьскихъ дней близъ гробницы Марабу, гдѣ находился его наблюдательный пунктъ. «Помилуйте! Эти свиньи турки, едва пристрѣляешься къ ихъ батареѣ, не стѣсняясь, на моихъ глазахъ, запрягаютъ въ орудія верблюдовъ и отвозятъ ихъ на 300 метровъ назадъ! Развѣ это война!..»

Итальянская *кавалерія*, составившая себѣ европейскую извѣстность, главнымъ образомъ школой выѣздки лошадей, на театрѣ войны представлена плачевно: дѣйствовала рѣдко и притомъ неважно.

Трудно объяснить, какіе мотивы руководили военнымъ министерствомъ при назначеніи на 60 тыс. штыковъ всего 6, а за послѣднее время 12 эскадроновъ!

Развѣдывательную службу, судя по итальянскимъ газетамъ, конница теперь начала нести; за мое время, кромѣ описанной рекогносцировки 26 октября, кавалеріей пользовались лишь для послышки донесеній, да наряжали лошадей подъ верхъ военнымъ агентамъ.

Пулеметы въ экспедиціонномъ корпусѣ всѣ вьючные, системы Максима на раздвижной треногѣ. Полки, и при томъ лишь въ пѣхотѣ, снабжены пулеметами въ скромномъ размѣрѣ: по 2 пулемета на полкъ и только у берсальеръ ихъ почему то было 6.

Пулеметы дѣйствовали рѣдко, такъ какъ до 13 октября ихъ еще не привезли; войска пришли безъ пулеметовъ, а послѣ 13-го противникъ не велъ наступленія въ серьезномъ масштабѣ.

На линіи обороны пулеметы были превосходно укрыты и маскированы. Интересно, что Сиди-Месрійскую батарею отъ внезапнаго захвата ночью противникомъ защищали 4 пулемета, расположенные въ капониры у подошвы гласиса батареи.

Войска вспомогательнаго назначенія. Техническая часть въ экспедиціонномъ корпусѣ поставлена хорошо.

Безпроводочнымъ телеграфомъ, установлена связь Триполи съ Дерной, Бенгази и Тобрукомъ.

Въ войскахъ есть полевые прожектора, но, къ несчастью, не всѣ они исправны.

Воздушная развѣдка представлена: 2 дирижаблями, 3 змѣйковыми аэростатами и 22 аэропланами съ необходимыми числомъ вполне удовлетворительныхъ военныхъ летчиковъ. Изъ этого числа въ Триполи находятся 2 дирижабля, 2 «драхень-баллона» и 7 аэроплановъ; прочіе распределены между Тобрукомъ, Дерной и Бенгази.

Въ настоящую войну впервые примѣнено метаніе взрывчатыхъ веществъ съ аэроплановъ: за послѣднее время транспорты привезли изъ Италіи большое количество ручныхъ бомбочекъ.

Утромъ 19 октября поручикъ изъ бригады специалистовъ, Гавотти, бросилъ съ своего «Этриха», во время полета по направленію къ оазису Айнъ-Сара, верстахъ въ 12 къ юго-востоку отъ линіи итальянскихъ передовыхъ постовъ, въ непріятельскій отрядъ, расположенный въ названномъ оазисѣ, нѣсколько гранатъ. Леталъ онъ на высотѣ 700 метровъ. Всего Гавотти бросилъ 4 гранаты, наполненныя пикриновой кислотой; ему удалось наблюдать лишь за дѣйствіемъ перваго взрыва, который, по словамъ Гавотти, произвелъ на противника столь ошеломляющее впечатлѣніе, что никто и не думалъ объ обстрѣлѣ аэроплана. Гавотти одной рукой управлялъ аэропланомъ, а другой работалъ надъ приготовленіемъ гранатъ къ метанію, держа ихъ между колѣнами.

На столбцахъ нашей и иностранной печати неоднократно обсуждался вопросъ, не нарушили ли итальянцы примѣненіемъ этого новаго боевого средства постановленія Гаагской мирной конференціи. Отвѣтъ можетъ быть только одинъ — отрицательный. На первой Гаагской конференціи была дѣйствительно подписана всѣми державами-участницами декларация, категорически запрещающая метаніе какихъ-либо снарядовъ, бомбъ, гранатъ и т. п. съ аэростатовъ или аэроплановъ. На второй же Гаагской конференціи въ 1907 году, въ виду успѣховъ, достигнутыхъ за время, прошедшее между обѣими конференціями, въ области аэронавтики, названная декларация была снова подвергнута обсужденію конференціи, причемъ многія державы, въ томъ числѣ и Италія, ее не подписали.

Драхень-баллоны оказали громадную услугу экспедиціонному корпусу, главнымъ образомъ въ третій періодъ войны, когда флотъ началъ бомбардировку оазиса. Наблюдатели змѣйковыхъ аэростатовъ корректировали огонь судовъ, направляя его семафорной сигнализацией то на одинъ, то на другой участокъ оазиса.

На саперный баталіонъ, вошедшій въ составъ корпуса, выпала довольно серьезная роль по усилению позиціи. Затѣмъ, во время наводненія, затопившаго расположеніе 82 и отчасти 6 полковъ, саперы руководили спасеніемъ затопленныхъ палатокъ, орудіиныхъ ящиковъ и войскового имущества. Наконецъ, въ бою 13-го октября, когда арабы прорвали фронтъ 84 полка и отбросили 7 роту, одна изъ саперныхъ ротъ, бывшая ближайшей въ резервѣ, перешла въ наступленіе, отбросила огнемъ противника и возстановила фронтъ.

Характеристика итальянской арміи. Итальянскіе офицеры пріятно поражаютъ глазъ своимъ щеголеватымъ внѣшнимъ видомъ, отличаются скромностью, простотой, лишены высокомерія и чванливости, очень честолюбивы и падки на награды. Съ посторонними изысканно вѣжливы и даже предупредительны. Съ простотой, отличающей нашего офицера, итальянскіе офицеры, чисто товарищески, обращаются со своимъ младшимъ братомъ-солдатомъ, допуская даже по отношенію къ себѣ легкую вольность.

Но, когда нужно, итальянскій офицеръ не стѣсняется въ примененіи къ нижнему чину самыхъ суровыхъ мѣръ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, когда солдатъ горной батареи что то замямлилъ, выволакивая свою пушку впередъ стрѣлковой цѣпи для обстрѣливанія арабскаго дома, какъ батарейный командиръ, наведя въ уиоръ браунингъ, жесткимъ спокойнымъ голосомъ произнесъ: «Ну, я посмотрю теперь», совершенно не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ людей и офицеровъ чужой части.

Въ отношеніи субординаціи и воинскаго чинопочтанія итальянцы на рѣдкость щепетильны и вольности къ старшему въ чинѣ себѣ никогда не позволяютъ.

Въ военномъ отношеніи офицеры достаточно образованны, и добросовѣстно и покорно несли съ солдатами всѣ тягости трехмѣсячнаго сидѣнія въ траншеяхъ.

За два мѣсяца совмѣстной жизни я не видѣлъ ни одного офицера на-веселѣ, ни одного нетрезваго солдата.

Нижніе чины. Параллельно съ корпусомъ офицеровъ пріятное впечатлѣніе производятъ своимъ развитіемъ, внѣшнимъ лоскомъ и интеллигентностью солдаты. Всѣ они грамотны, вѣжливы, охотно и живо поддерживаютъ разговоръ, интересуются происходящимъ, читаютъ газеты, многіе говорятъ по французски и не лишены остроумія. Но, увы, плохо стрѣляютъ и плохо обращаются со своими ружьями.

Во время сильнаго огня противника случалось наблюдать, что нижніе чины стрѣляли не цѣлясь, безъ толку тратя патроны, и страшно нервничали.

Иностранные военные агенты на театр военных дѣйствій. Итальянское правительство пригласило на театр военных дѣйствій иностранныхъ офицеровъ и съ рѣдкимъ гостепрѣимствомъ озаботилось ихъ размѣщеніемъ и предоставленіемъ возможныхъ удобствъ.

Одинъ изъ 35 транспортовъ, перенесшихъ на военное время изъ состава коммерческаго флота въ морское вѣдомство для перевозки войскъ въ Африку, подъ названіемъ «Боснія», былъ зафрахтованъ исключительно для иностранныхъ офицеровъ.

Въ виду холеры, офицерамъ предложено было оставаться на борту, только спускаясь на берегъ для поѣздки въ районы расположенія войскъ.

Обставивъ рѣдкимъ комфортомъ жизнь военныхъ гостей, въ смыслѣ предоставленія имъ свободы для работы въ сферѣ ихъ специальности, итальянцы цѣликомъ восприняли систему японцевъ. Разница, пожалуй, заключалась лишь въ томъ, что японцы поили военныхъ аташе шампанскимъ и ничего не показывали, а итальянцы—вермутомъ и коньякомъ и тоже ничего не показывали.

Три раза спускали иностранныхъ офицеровъ на берегъ, дабы ознакомить ихъ съ расположеніемъ войскъ на позиціи, да раза два-три они ѣздили въ городъ, чтобы сдѣлать визиты, а въ послѣдній разъ поздравить ген.-губернатора съ днемъ рожденія короля.

На позицію офицеры ѣздили верхами, для чего изъ состава конницы триполійскаго гарнизона (300 коней) имъ назначали верховыхъ лошадей съ конными вѣстовыми. Два офицера итальянскаго генеральнаго штаба, изъ коихъ одинъ, графъ Руджери, неизмѣнно сопровождалъ агентовъ и любезно сообщалъ то, что должно было послѣднихъ интересовать. Держались поэтому всѣ одной группой и смотрѣли то, что имъ показывали.

Мало того, военные аташе обязаны были словомъ не сообщать до заключенія мира своему правительству, а въ частности и своему генеральному штабу, ничего изъ того, что они видѣли въ Триполитаніи и почерпнули путемъ наблюденія, разговора и т. д.

Нельзя не привѣтствовать итальянское военное министерство съ проведеннымъ мѣропріятіемъ, полнымъ глубокаго смысла.

Печать итальянская и иностранная; цензура. Патріотизмъ итальянской печати достоинъ восхищенія и подражанія.

Несмотря на неумѣлое и безконечно тягучее веденіе войны, сознанное всѣми лучшими корреспондентами Италіи, ни одному

изъ нихъ не пришло въ голову рѣзко критиковать на столбцахъ своихъ журналовъ штабы войскъ, начальниковъ и особенно нижнихъ чиновъ.

Дружнымъ хоромъ газеты всѣхъ отгѣнковъ, до самыхъ лѣвѣхъ социалистическихъ включительно, ежедневно восхваляютъ героизмъ своей арміи, а малѣйшее проявленіе храбрости тотчасъ же воспѣваютъ лучшими поэтами, съ Габріелемъ д'Анунціо во главѣ, въ стихахъ и одахъ, какъ громкую неслышанную побѣду.

Неоцѣнимую поддержку оказываетъ итальянская печать своей родинѣ и въ частности командующему, одушевляя войска корпуса и воспитывая націю въ духѣ любви къ своей арміи.

На помощь печати призвана и цензура, воевавшая во славу отечества съ журналистами успѣшнѣе, чѣмъ итальянцы съ турками. Эта цензура, безъ зазрѣнія совѣсти, вычеркивала въ телеграммахъ всѣ свѣдѣнія, казавшіяся ей подозрительными, обезцѣнивая посылаемыя извѣстія и искажая смыслъ до того, что большинство телеграммъ буквально представляло собой требующій разгадки ребусъ.

Вторую цензуру извѣстія съ театра войны проходили въ Римѣ.

Общее заключеніе. Прошло 4 мѣсяца Итало-турецкой войны и въ итогѣ итальянскій флагъ побѣдно развѣвается надъ главными портами Триполитаніи и Киренаики, а войска экспедиціоннаго корпуса успѣли отойти отъ берега вглубь провинціи всего лишь на 10 верстъ. Остается еще пройти не менѣе 2 тысячъ на югъ.

Поневолю напрашивается вопросъ, когда же кончатся война?

Если политическія причины и внутреннія осложненія не понудятъ Турцію сложить оружіе, то завоеваніе новой колоніи легко можетъ превратиться въ покореніе Кавказа и длиться безконечно.

Продолжающаяся война выясняетъ до какой степени непопуляренъ тройственный союзъ въ массѣ итальянскаго народа, видящаго въ своихъ союзникахъ, особенно австрійцахъ, не добрыхъ друзей, а ненавистныхъ враговъ. Послѣдніе, впрочемъ, платятъ той же монетой, привѣтствуя каждую неудачу итальянцевъ травлей на страницахъ своей ежедневной печати.

Въ Вѣнѣ мнѣ лично въ разговорѣ приходилось убѣждаться, какое злорадное торжество заложено въ умахъ австрійскихъ гражданъ въ отношеніи своихъ союзниковъ, едва только заходилъ разговоръ о триполитанской экспедиціи.

Св. фонъ-Дрсйеръ.

